

ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ ГУБЕРНСКИХ ЦЕНТРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРА И ИРКУТСКА)

Плотникова Мария Михайловна
К.ист.н., доцент
Иркутского государственного
университета

URBAN DEVELOPMENT
OF THE PROVINCIAL CENTERS
OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH
CENTURY ON THE EXAMPLE
OF IRKUTSK AND VLADIMIR

M. Plotnikova

Annotation

The article considers the urban development of the provincial centers Irkutsk and Vladimir. Population, city income, the number of merchants and the level of improvement compared. Climatic features are taken into account. The author comes to the conclusion that Irkutsk was ahead of Vladimir on the formation of city budget, in Vladimir was above the level of city improvement.

Keywords: comparative analysis, urban development, Irkutsk, Vladimir, population, city income.

Аннотация

В статье анализируется городское развитие губернских центров Иркутска и Владимира. Сравниваются численность населения, городские доходы, количество купцов и уровень благоустройства, учитываются климатические особенности. Автор приходит к выводу, что Иркутск опережал Владимир по формированию доходной части бюджета, а во Владимире был выше уровень городского благоустройства.

Ключевые слова:

Компаративный анализ, городское развитие, Иркутск, Владимир, численность населения, городские доходы.

В современной научной литературе нет единого мнения о том, каким было городское развитие в первой половине XIX в. в Российской империи. Советская историография считала, что русский город этого периода медленно, но неуклонно возрастал. Однако в правительственных, ученых кругах и среди самого городского населения того времени было весьма распространено мнение о застое и даже упадке городов [10, с. 3]. Петербургская исследовательница С.А. Шарапова в своей диссертации справедливо отмечает, что "первые работы, посвященные городскому развитию в первой половине XIX в., появились во время Великих реформ или сразу после них. На фоне глобальных преобразований, предыдущие изменения в области городского общественно-го управления представлялись незначительными" [20, с. 3].

Обратим внимание на то, что советская историография не связывала развитие городского хозяйства с деятельностью городских дум, которые были сформированы согласно "Жалованной грамоте городам" 1785 г. Однако именно городские думы занимались экономическим и хозяйственным развитием в феодальных городах Российской империи, а также вели городской бюджет. На их

плечах лежало исполнение различных повинностей. М.М. Сперанский перечислил их в 1821 г. в своей записке о состоянии Тобольской губернии. К городским повинностям он отнес содержание полицейских чиновников, служителей и пожарных инструментов; содержание судебных мест для купечества и мещанства; по устройству и поддержанию общих городских предметов, таких как мощение и чистота улиц, поправка мостов, гатей, дорог; удовлетворение квартирами лиц, имеющих на это право; чрезвычайные расходы, под которыми подразумевается возведение всякого рода новых зданий и вещей, входящих в городские повинности [17, л. 8 об.].

Компаративный анализ развития губернских городов Владимира и Иркутска поможет продвинуться в решении спорного вопроса о темпах роста городов в первой половине XIX в. Анализ развития Иркутска будет основываться на материалах Государственного архива Иркутской области, а анализ Владимира – на учебном пособии "Губернский город Владимир в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: очерки повседневной провинциальной жизни" [22], в котором владимирские исследователи постарались применить новые подходы к изучению русского города. Актуальность компаративного анализа за-

ключается еще и в том, что до настоящего времени проводилось сравнение губернского Иркутска в первой половине XIX в. только с другими сибирскими городами.

Одним из источников для компаративного анализа городского развития в Российской империи служат "Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в Статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел" [19]. Эти таблицы были изданы в 1842 г. и содержат в себе информацию не только о количестве жителей, домов, фабрик и училищ, но и о суммах городских бюджетов, что позволяет расширить исследовательские горизонты при анализе городского развития. Их особенность заключалась в том, что данные 1840 г. были разосланы для проверки сведений начальникам губерний и исправленные цифры опубликовали в 1842 г. Статистические таблицы 1842 г. относятся к официальному списку городов Российской империи [11, с. 11].

Подчеркнем, что "образование в 1802 г. министерств и введение годовых отчетов гражданских губернаторов со статистическими ведомостями повлекло за собой систематический сбор сведений обо всех городах Российской империи" [14, с. 7]. Создание в 1811 г. в составе Министерства полиции Статистического отделения, возглавляемого профессором Петербургского университета К. Ф. Германом, положило начало регулярным печатным трудам со статистическими сведениями. Они включали в себя данные о числе жителей с распределением по полу, церкви, домов, учебных заведений и учащихся в них, фабрик и заводов, числе лавок, трактирных заведений, питейных домов. К печатным трудам Отделения относятся "Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г." [21], изданное в 1829 г., экземпляры которого разошлись, не поступив в продажу, и "Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 году" [12], появившееся благодаря тому, что министр внутренних дел нашел полезным издавать время от времени такие таблицы и "сделал распоряжение о получении точнейших и подробнейших сведений от всех начальников губерний и областей" [9, с. 17]. Отметим, что эти работы не содержат сведений о городских бюджетах.

Обратим внимание, что четкого порядка сбора сведений не было установлено, а низовые статистические органы на местах отсутствовали, поэтому достоверность полученных от губернаторов сведений оставляла желать лучшего. Например, иркутский гражданский губернатор в 1827 г. признал необходимым для исправления и проверки статистических сведений за Верхнеудинскую, Нерчинскую, Нижнеудинскую и Киренскую округа командировать туда двух особых чиновников [2, л. 64]. Эти чиновники должны были установить правильное составление

статистических таблиц, обнаружить причины неверности и указать правила, которыми должны руководствоваться на местах. Это, несмотря на то, что после проведения "сибирской" реформы М.М. Сперанского сбору статистики в сибирских городах было уделено особое внимание. Сибирским комитетом была издана форма для представления статистических сведений [2, л. 27].

Подчеркнем, что к 1840 г. уже определились основные "слабые места", в которых чаще всего допускались статистические ошибки при сборе сведений о городских доходах и расходах. Например, в 1838 г. III отделение Иркутского губернского правления напоминало Иркутской градской думе, что в ее обязанность входит соблюдать, "чтобы сведения были составлены без малейших погрешностей и отступления от форм, и чтобы одни из них были согласны с другими, и чтобы в ведомостях о денежных повинностях были включены только те расходы, которые допущены по утвержденной смете или по особым разрешениям начальства" [5, л. 60 об. – 61]. Таким образом, статистические таблицы, составленные в 1840 г. в Министерстве внутренних дел, содержат уже более достоверные сведения о городском развитии, нежели чем таблицы 1825 г., составленные в Министерстве полиции.

Итак, численность населения и городские доходы являются двумя важнейшими показателями в компаративном анализе городов. В классификации городов середины XIX в. отметка в 25 тыс. чел. создавала возможности для радикального изменения образа жизни населения. Не случайно, М.М. Сперанский при проведении "сибирской" реформы в 1822 г. предложил разделить сибирские города на многолюдные, средние и малолюдные. В 1840 г. губернский Иркутск, в котором проживало 16 773 чел., был самым населенным городом не только Восточной, но и Западной Сибири, обогнав по численности такие сибирские города, как Тобольск (14 246 чел.) и Томск (12 032 чел.) [19, с. 10, 38].

Среди других губернских городов Российской империи в этот период сопоставимы по численности с Иркутском такие города, как Новгород (16 781 чел.), Тамбов (16 789 чел.), Житомир (16 670 чел.), Гродно (16 634 чел.) и Уфа (16 501 чел.) [19, с. 22, 36, 6, 8, 24]. Всего в 50 губерниях Российской империи, не считая краев, областей, царства Польского и княжества Финляндского, было 17 городов с численностью населения от 15 до 20 тыс. человек. Во Владимире в 1840 г. проживало 12 035 чел., а городов с численностью от 10 до 15 тыс. чел. было 44 [19, с. 4, 69–70]. Преобладали же в первой половине XIX в. в Российской империи малые города с населением менее 5 тыс. и "поэтому именно они представлялись современникам типично русскими городами" [10, с. 23].

Таким образом, восточносибирский Иркутск 1840 г. – это не какой-нибудь заурядный город Российской империи, а один из лидеров городского развития. Более того, городской бюджет Иркутска составлял в 1840 г. 25 029 руб. 96 4/7 коп. серебром [19, с. 11], что сопоставимо из перечисленных городов европейской части Российской империи только с Новгородом, чей бюджет составлял 20 085 руб. 83 1/7 коп. серебром. Среди сибирских городов конкуренцию бюджетному развитию Иркутска составлял только западносибирский Томск, доходы которого равнялись 35 800 руб. 48 коп. серебром [19, с. 39]. Городской бюджет Владимира в 1840 г. составлял 8 951 руб. 58 2/7 коп. серебром [19, с. 5], что почти в 3 раза меньше бюджета Иркутска.

Владимир – один из древнейших городов Северо-Восточной Руси, по сравнению с ним Иркутск является достаточно молодым восточносибирским городом, отсчитывающим свое основание с 1661 г. Уже в конце XVII в. во Владимире был Гостиный двор, насчитывающий 392 лавки и 4 харчевни. К началу XVIII в. он представлял собой типичный провинциальный город европейской части России [22, с. 10]. Иркутск, напротив, совершенно не типичный город для Российской империи. В начале XIX в. здесь сформировался новый тип купца, с раскинутыми по всей территории Сибири торговыми операциями и складами, разбросанными по разным городам многочисленными приказчиками, с деловой перепиской и отчетностью. Благодаря Московскому тракту и "Великому чайному пути" Иркутск становится торговым коммуникационным узлом, отсюда расходились дороги в Якутск и Кяхту. Также в Иркутске находился склад всех товаров, привозимых из России и отправлявшихся оттуда [16, с. 131]. Численность населения губернского Владимира в 1808 г. составляла 5 927 чел. [22, с. 64], губернского Иркутска в 1813 г. – 14 000 чел. [8, с. 40] Таким образом, к 1840 г. численность Владимира увеличилась вдвое, а численность Иркутска всего на 2 773 чел., т.е. только на 20%. Население Владимира увеличивалось более быстрыми темпами, чем Иркутска.

Развитие торговли и количество купцов, проживающих в городе – также один из важных показателей городского развития. Еще Екатерина II в "Жалованной грамоте городам" 1785 г. уповала, что граждане городов похвальным радением в торговле, промыслах и ремеслах будут способствовать возвышению мест ими населяемых в цветущем состоянии [7, с. 101]. Владимир являлся одним из главных торговых центров губернии. Крупные владимирские купцы торговали с Москвой, Санкт-Петербургом, Нижним Новгородом, Сибирью, Закавказским краем и близлежащими губернскими городами – Ярославлем, Рязанью и Тамбовом. Во Владимир купцы везли сукна, шелковые и хлопчатобумажные ткани российских и немецких фабрик. Из Владимира вывозили продукты зем-

леделия и животноводства, а также изделия кожевенного производства, в частности, юфть в большом количестве доставлялась в порт Санкт-Петербурга [22, с. 46]. С начала XIX в. во Владимире усиленно развивался кирпичный промысел, что стало последствием утверждения генеральных планов застройки российских губернских городов. В городе развернулось строительство частных домов, административных и культовых строений из кирпича. После Отечественной войны 1812 г. владимирский кирпич потребовался и на московских стройках [22, с. 51].

В 1791 г. во Владимире была учреждена ежегодная ярмарка, проходившая летом с 6 по 20 августа, на которой выставляли в большом количестве свой товар купцы всей округи. В Иркутске также была ежегодная ярмарка, торг на которой проходил зимой с 1 декабря по 1 января разными российскими и иностранными товарами, железными и другими вещами и съестными припасами, привозимыми из разных мест и губерний – Енисейской, Томской, Тобольской, Пермской, Казанской и Московской и ярмарок Нижегородской и Ирбитской. В 1829 г. ярмарочный торг оценивался Иркутской градской думой в 1 млн. руб. [3, л. 327 об.].

Во Владимире в последней трети XVIII – первой половине XIX в. были только купцы 2-й гильдии – 6 семей и 3-й гильдии – 120 семей. К середине XIX в. ситуация немного изменилась – в городе появились 2 семьи купцов 1-й гильдии. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода купечество 3-й гильдии оставалось самой многочисленной группой [22, с. 68]. В Иркутске в 1829 г. было купцов 1-й гильдии 10 чел., 2-й – 2 чел., 3-й – 70 чел., торгующих мещан – 209 чел., иногородних купцов, записанных гостями по 3-й гильдии – 19, крестьян, торгующих по свидетельствам – 7, разночинцев, производящих торг: отставных чиновников, солдат, казаков и проч. – 59, всего – 376 чел. [3, л. 328]. Купцов 1-й гильдии было 10 чел., потому что торговать с китайцами в Кяхте дозволялось только купцам 1-й гильдии. Некоторые богатые иркутские купцы, такие как Трапезниковы и Баснины для более успешного ведения дел приписывались к кяхтинскому купечеству. Например, оборот всей купеческой семьи Трапезниковых в 1828 г. составил 927 988 руб. 68 коп. [3, л. 24 об.].

Подчеркнем, что в губернском Иркутске торговала большая часть горожан различных социальных групп, город являлся торгово-распределительным центром. Купцы 1-й гильдии привозили сюда с Кяхты чай, сахар-леденец и китайские ткани, которые раскупались купцами 3 гильдии и развозились в разные стороны: часть – по реке Лене в северные территории Киренск и Якутск, где продавались или обменивались на пушнину, другая часть – на Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки.

Одной из групп населения Владимира являлись дворяне. Как известно, одной из отличительных черт Сибири было то, что в ней практически не было дворянства. В конце XVIII в. во Владимире дворян насчитывалось 174 чел., что составляло всего 3 % от общего количества городского населения. Подчеркнем, что в Иркутске в 1825 г. купцы составляли только 0,94% по отношению к остальному населению [15, с. 117].

С укреплением административного статуса губернского центра и событиями, связанными с войной 1812 г., во Владимире наблюдался интенсивный прирост численности дворян. По данным статистики за 1845 г. их уже было 797 чел. [22, с. 73] Дворянство было организовано по территориальному принципу и составляло уездные и губернские дворянские общества. Возглавлял территориальную корпорацию дворян губернии предводитель дворянства. Отметим, что на губернского представителя дворянства возлагалось множество частных дел: присутствие в Приказе общественного призрения и надзор за всеми благотворительными заведениями, наблюдение за состоянием дорог, поставка почтовых лошадей на станции [22, с. 72]. Т.е. губернский предводитель дворянства был в курсе всех социальных проблем городской жизни.

Дворянство в целом, безусловно, влияло именно на качественные характеристики городской среды, оно формировало и свое архитектурное пространство, и культурную составляющую, а также вкладывало деньги в развитие благотворительности. Именно, дворянство стало основой для развития общественности в Российской империи. Сибирские города были лишены этой возможности.

Подчеркнем, что владимирские исследователи оценивают положительно превращение Владимира в губернский город. Они считают, что "административный статус стал важнейшим фактором в развитии его общественно-культурной жизни", а "рост численности чиновничества стал важнейшим фактором формирования городской социальной структуры", не отрицая того, что "злоупотребления в среде коронной администрации были достаточно распространенным явлением" [22, с. 27, 28, 29]. Иркутские историки разделяют точку зрения дореволюционных исследователей, которые подчеркивали, что "каждая власть, какая только ни являлась в Сибири, немедленно же, в силу особых обстоятельств, преобразовалась, усваивала самовластие и предавалась наживе. Причины этого крылись не в отдельных личностях, но в том положении, какое им предоставлялось правительством в этой отдаленной стране. Они незаметно приобретали привычки самовластия, вдали от контроля, при неограниченных полномочиях, точно так же, как развитие злоупотреблений, не встречая ни откуда препятствий,

явилось естественным при отдаленности края и при таких искушениях к обогащению, какие представлял край" [13, с. 33]. Назначение М.М. Сперанского сибирским генерал-губернатором как раз стало логическим завершением поисков самодержавия оптимального административно-территориального устройства Сибири в частности и империи в целом.

Обратим внимание на различие в городском развитии, напрямую связанное с климатическими особенностями, выбранных для сравнения городов. К середине XIX в. садами и огородами во Владимире была занята почти половина всей площади города. Сады и огороды были предметом коммерческих операций: они продавались и покупались, сдавались в аренду и т. д. Вишневые сады Владимира были его гордостью. В Иркутске был один городской публичный сад на набережной реки Ангары. Его устройство началось с 1826 г. Этот сад не имел плодовых деревьев и состоял из разных, свойственных здешнему климату, деревьев – берез, сосен, ольхи, рябины, бузины и др. [6, л. 2 об.] Автор "Статистического обозрения Сибири" Ю.А. Гагемейстер отмечал, что "при всяком почти доме в Иркутске есть огород. В садах видны: калина, рябина, черемуха и сибирские, или собственно иркутские яблоки, твердые и кислые, которые равняясь величиной рябине, подобно ей делаются годными к непосредственному употреблению только после нескольких морозов" [1, с. 177].

В заключение подчеркнем разность региональных оценок одинаковых проявлений провинциальной жизни. Например, владимирские исследователи пишут, что "благоустройство Владимира ограничивалось, в основном, уходом за состоянием центральных улиц, площадей и городским освещением. В начале XIX в. в городе насчитывалось всего 48 улиц, из них 8 с каменными мостовыми, 2 с деревянной и остальные – немощенные" [22, с. 21]. Они оценивают такое положение как бедственное. В губернском Иркутске в 1842 г. при Иркутской градской думе был составлен особый комитет об устройстве мостовых, который, рассмотрев собранные по сему предмету сведения, нашел, что "в губернском Иркутске нет надобности в устройстве особых мостовых: ибо улицы здесь по твердому грунту земли состоят в хорошем положении; ежели иногда от продолжительных дождей или других естественных причин случаются на них в некоторых местах неисправности, то они в тоже время исправляются посредством засыпки мелким булыжным камнем и хрящем, добываемым без всякого затруднения из реки Ушаковки, протекаемой почти внутри города, против домов зажиточных обывателей самими ими, а против бедных домов на счет городских сборов, на каковой предмет и вносится ежегодно в смету городских расходов потребная сумма" [18, л. 2]. Т.е. в Иркутске вообще не было в это время каменных и деревянных мостовых, улицы засыпали булыж-

ным камнем или хрящем, а фонари появились в Иркутске только в 1836 г. Было установлено 10 и заготовлено к установке еще 50 фонарей для освещения в ночное время на двух главных улицах по предписанию начальства [4, л. 15 об.]. Таким образом, по развитию уровня благоустройства Владимир опережал Иркутск.

Итак, в 1840 г. численность населения Иркутска составляла 16 773 чел., Владимира – 12 035 чел. Однако население увеличивалось более быстрыми темпами во Владимире.

Особенностью Иркутска был городской бюджет, он составлял в 1840 г. 25 029 руб. 96 4/7 коп. серебром, не все губернские города Российской империи могли похвастаться таким бюджетом. Возможно, это результат реформы М.М. Сперанского, проведенной в 1822 г. в сибирских городах. В европейской России, за исключением Санкт-Петербурга и Москвы, городские преобразования стали происходить позднее. Новое Городовое положение появилось только в 1870 г. Вместе с тем по уровню благоустройства – мощным улицам и освещению, Владимир опережал в развитии Иркутск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. – СПб.: [б. и.], 1854. – 697 с.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 1476.
3. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1641.
4. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2387.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2538.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2732.
7. Грамота на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. // Городское самоуправление в Иркутске: от Екатерины Великой до Медведева / под общ. ред. М.М. Плотниковой. – Иркутск: опер. тип. "На Чехова", 2008. – С. 101–121.
8. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисловия и примечаний Ю.П. Колмаков. – Иркутск: "Оттиск", 2003. – 848 с.
9. История российской государственной статистики: 1811–2011. Росстат. – М.: ИИЦ "Статистика России", 2013. – 143 с.
10. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономические развитие. – Л.: "Наука" Ленинградское отделение, 1990. – 272 с.
11. Неволин К. А. Общий список русских городов. – СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1844. – 85 с.
12. Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 году. – СПб., 1834. – 69 с.
13. Плотникова М.М. Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М.М. Сперанском // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 7. С. 32–43.
14. Плотникова М.М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв.: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 191 с.
15. Плотникова М.М., Дамешек Л.М. Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 114–120.
16. Плотникова М.М., Косс Р.А. "Великий чайный путь" и формирование локальной идентичности: на примере гг. Иркутска и Ханькоу // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3 (30). С. 128–134.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1251. Оп. 1. Ч. 1. Д. 24.
18. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 595.
19. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. – СПб.: тип. Карла Крайя, 1842. – 76 с.
20. Шарапова С.А. Городское общественное управление Санкт-Петербурга в первой половине XIX в.: (структура, деятельность, реформы): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008. – 235 с.
21. Штер М. П. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. Составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента полиции исполнительной, тайного советника Штера. – СПб.: тип. Ивана Глазунова, 1829 (обл. 1830). – 95 с.
22. Шулуш И.И. и др. Губернский город Владимир в последней трети XVIII – первой половине XIX в.: очерки повседневной провинциальной жизни. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. – 192 с.